

100

101

102

103

104

105

106

107

108

109

110

111

112

113

114

115

116

117

118

119

120

121

122

123

124

125

126

127

128

129

130

131

132

133

134

135

136

137

138

139

140

141

142

143

144

145

146

147

148

149

150

151

152

153

154

155

156

157

158

159

160

161

162

163

164

165

166

167

168

169

170

171

172

173

174

175

176

177

178

179

180

181

182

183

184

185

186

187

188

189

190

191

192

193

194

195

196

197

198

199

200

201

202

203

204

205

206

207

208

209

210

211

212

213

214

215

216

217

218

219

220

221

222

223

224

225

226

227

228

229

230

231

232

233

234

235

236

237

238

239

240

241

242

243

244

245

246

247

248

249

250

251

252

253

254

255

256

257

258

259

260

261

262

263

264

265

266

267

268

269

270

271

272

273

274

275

276

277

278

279

280

281

282

283

284

285

286

287

288

289

290

291

292

293

294

295

296

297

298

299

300

301

302

303

304

305

306

307

308

309

310

311

312

313

314

315

316

317

318

319

320

321

322

323

324

325

326

327

328

329

330

331

332

333

334

335

336

337

338

339

340

341

342

343

344

345

346

347

348

349

350

351

352

353

354

355

356

357

358

359

360

361

362

363

364

365

366

367

368

369

370

371

372

373

374

375

376

377

378

379

380

381

382

383

384

385

386

387

388

389

390

391

392

393

394

395

396

397

398

399

400

401

402

403

404

405

406

407

408

409

410

411

412

413

414

415

416

417

418

419

420

421

422

423

424

425

426

427

428

429

430

431

432

433

434

435

436

437

438

439

440

441

442

443

444

445

446

447

448

449

450

451

452

453

454

455

456

457

458

459

460

461

462

463

464

465

466

467

468

469

470

471

472

473

474

475

476

477

478

479

480

481

482

483

484

485

486

487

488

489

490

491

492

493

494

495

496

497

498

499

500

501

502

503

504

505

506

507

508

509

510

511

512

513

514

515

516

517

518

519

520

521

522

523

524

525

526

527

528

529

530

531

532

533

534

535

536

537

538

539

540

541

542

543

544

545

546

547

548

549

550

551

552

553

554

555

556

557

558

559

560

561

562

563

564

565

566

567

568

569

570

571

572

573

574

575

576

577

578

579

580

581

582

583

584

585

586

587

588

589

590

591

592

593

594

595

596

597

598

599

600

601

602

603

604

605

606

607

608

609

610

611

612

613

614

615

616

617

618

619

620

621

622

623

624

625

626

627

628

629

630

631

632

633

634

635

636

637

638

639

640

641

642

643

644

645

646

647

648

649

650

651

652

653

654

655

656

657

658

659

660

661

662

663

664

665

666

667

668

669

670

671

672

673

674

675

676

677

678

679

680

681

682

683

684

685

686

687

688

689

690

691

692

693

694

695

696

697

698

699

700

701

702

703

704

705

706

707

708

709

710

711

712

713

714

715

716

717

718

719

720

721

722

723

724

725

726

727

728

729

730

731

732

733

734

735

736

737

738

739

740

741

742

743

744

745

746

747

748

749

750

751

752

753

754

755

756

757

758

759

760

761

762

763

764

765

766

767

768

769

770

771

772

773

774

775

776

777

778

779

780

781

782

783

784

785

786

787

788

789

790

791

792

793

794

795

796

797

798

799

800

801

802

803

804

805

806

807

808

809

810

811

812

813

814

815

816

817

818

819

820

821

822

823

824

825

826

827

828

829

830

831

832

833

834

835

836

837

838

839

840

841

842

843

844

845

846

847

848

849

850

851

852

853

854

855

856

857

858

859

860

861

862

863

864

865

866

867

868

869

870

871

872

873

874

875

876

877

878

879

880

881

882

883

884

885

886

887

888

889

890

891

892

893

894

895

896

897

898

899

900

901

902

903

904

905

906

907

908

909

910

911

912

913

914

915

916

917

918

919

920

921

922

923

924

925

926

927

928

929

930

931

932

933

934

935

936

937

938

939

940

941

942

943

944

945

946

947

948

949

950

951

952

953

954

955

956

957

958

959

960

961

962

963

964

965

966

967

968

969

970

971

972

973

974

975

976

977

978

979

980

981

982

983

984

985

986

987

988

989

990

991

992

993

994

995

996

997

998

999

1000

Алекс Скай

**Развод в 45.БЫВШИЙ,я
выбираю Босса**

«Автор»

2026

Скай А.

Развод в 45.Бывший,я выбираю Босса / А. Скай — «Автор»,
2026

В сорок пять мой муж решил, что я стала прошлым. Двадцать пять лет брака, двое детей, общий дом, привычная жизнь — всё это Виктор перечеркнул спокойно и почти деловито. Он ушёл к молодой Кире и был уверен, что я, как всегда, поступлю удобно: промолчу, подпишу документы, сохраню лицо семьи и не устрою сцен. А потом он сказал главное:— Тебе без меня всё равно некуда. Именно в этот момент мне позвонили из компании его главного конкурента. Артём Власов не предложил мне жалость. Не стал спасать. Он дал мне работу, в которой я должна была доказать не бывшему мужу, не его новой женщине и не всему свету — себе самой, что моя жизнь не закончилась вместе с браком. Но Виктор не готов отпустить женщину, которую слишком поздно научился видеть. Кира не готова признать, что прошлая жена сильнее, чем казалась. А я больше не хочу быть чьей-то тенью, удобной женой или призом в мужской войне. Я выбираю себя. И мужчину, рядом с которым мне не нужно просить разрешения быть счастливой

© Скай А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. В сорок	5
Глава 2.	14
Глава 3. Бывший,	24
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Алекс Скай

Развод в 45.БЫВШИЙ,я выбираю Босса

Глава 1. В сорок пять меня списали

В день, когда мой муж решил меня бросить, я как раз выбирала скатерть для семейного ужина.

Белую — слишком торжественно. Серую — слишком буднично. Синюю с тонкой вышивкой я купила прошлой весной в маленьком магазине на Патриарших, где продавщица сказала: Берите, у неё благородный цвет, как у спокойной женщины. Я тогда усмехнулась и подумала, что спокойные женщины не покупают скатерти по настроению, чтобы потом два часа подбирать к ним салфетки.

Но всё равно взяла.

Спокойствие в сорок пять вообще оказалось странной вещью. Со стороны оно выглядело красиво: ровная осанка, аккуратная укладка, светлая блузка без лишней смелости, умение не перебивать мужа при гостях, помнить дни рождения его партнёров, вовремя отправлять детям деньги, не спрашивая, куда они их дели, и молча замечать, что твоя жизнь постепенно стала похожа на идеально сервированный стол, за которым тебе самой почему-то не оставили места.

Я стояла в столовой нашего дома, держала в руках ту самую синюю скатерть и думала, что сегодня всё будет нормально.

Лера обещала заехать после работы. Егор буркнул в сообщении буду, что в его семнадцать считалось почти праздничной речью. Виктор вернётся к семи, я поставлю на стол его любимые запечённые овощи, открою бутылку хорошего вина, и мы впервые за последние недели поужинаем все вместе.

Семейный вечер.

Двадцать пять лет брака.

Двое детей.

Один дом, который я собирала по кусочкам, пока Виктор строил карьеру так уверенно, будто родился сразу с кабинетом, секретарём и правом говорить решим людям, у которых внутри уже всё решилось плохо.

Я накрыла стол, поправила вазу с белыми тюльпанами, отошла на шаг и попыталась увидеть картинку целиком.

Красивая картинка.

Правильная.

И только телефон Виктора, забытый им утром на комод, портил её слишком настойчивой вибрацией.

Я не собиралась смотреть.

Честно.

За годы брака человек привыкает не трогать чужие вещи не только из уважения, но и из усталости. Когда живёшь рядом долго, частная территория становится не романтической тайной, а единственным способом не задавать вопросы, на которые уже не хочется получать ответы. Я брала его телефон сотни раз — передать, зарядить, выключить будильник. Но никогда не проверяла. Не потому что была святой. Просто верила, что если женщине сорок пять и у неё за плечами четверть века брака, то достоинство должно быть хотя бы в том, чтобы не превращаться в детектива у собственного комода.

Телефон завибрировал снова.
На экране высветилось имя: **Кира**.
Никакой фамилии.
Просто Кира.

Сообщение появилось поверх заставки, короткое, наглое и настолько домашнее, что у меня на секунду потяжелели руки.

Ты сказал ей? Я не хочу снова ждать. Ты обещал, что сегодня всё закончишь.
Я положила скатерть на стол.
Очень аккуратно.

Так аккуратно, будто от этого зависело, развалится ли моя жизнь сразу или подождёт до ужина.

Сначала я подумала о какой-то рабочей ситуации. Конечно. В сорок пять женщина, прожившая с мужчиной двадцать пять лет, становится мастером мгновенного самообмана. В голове за долю мгновения выстраиваются десятки удобных версий. Кира — сотрудница. Кира — клиентка. Кира — чья-то дочь, которой Виктор что-то обещал по проекту. Сказал ей — это не мне. Всё закончишь — это не наш брак.

Я даже улыбнулась.

Не весело. Скорее автоматически. Как улыбаются женщины в гостях, когда кто-то проливает чай на белую скатерть, а ты уже понимаешь: пятно останется.

Дверь в прихожей открылась в шесть сорок.

Раньше, чем обычно.

Виктор вошёл без обычного телефонного разговора, без раздражённого Марин, где мои часы?, без деловой усталости, которую он носил как дорогой пиджак. Пальто снял медленно, повесил сам, хотя обычно оставлял на банкетке, зная, что я уберу.

И вот тогда я окончательно поняла: он пришёл не ужинать.

Он пришёл заканчивать.

— Ты рано, — сказала я.

Голос прозвучал спокойно. Даже слишком. Я сама бы поверила этой женщине, если бы не была ею.

Виктор обернулся.

В сорок восемь он выглядел хорошо. Седина у висков ему шла, костюмы сидели безупречно, лицо человека, который привык побеждать, с годами стало только жёстче и привлекательнее для тех, кто смотрел со стороны. Для меня же в нём всё чаще оставалась не красота, а привычка: вот эта складка у рта перед неприятным разговором, вот движение пальцев по манжете, когда он подбирает не правду, а удобную форму для неё.

— Нам нужно поговорить, — сказал он.

Я посмотрела на стол.

— До ужина или после?

Он проследил за моим взглядом. Увидел скатерть, тюльпаны, тарелки на четыре персоны, свечи, которые я поставила и ещё не зажгла.

На его лице мелькнуло раздражение.

Не вина.

Не сожаление.

Именно раздражение. Будто моя готовность к семейному вечеру создавала ему лишнее препятствие.

— Марина, не надо.

Я медленно выдвинула стул и села.

— Что именно?

— Делать вид, что всё нормально.

Вот даже как.

Он пришёл уходить от меня и первым делом обвинил в притворстве.

Очень по-мужски. Удобно начать разговор так, будто женщина сама виновата, что не подготовила ковровую дорожку для собственного списания.

— Хорошо, — сказала я. — Не будем делать вид. Говори.

Виктор остался стоять. Ему всегда нравилось говорить стоя, особенно когда разговор должен был закончиться так, как нужно ему. Высота добавляла правоты. Я это знала, поэтому не встала.

— Я ухожу, — произнёс он.

Коротко.

Деловито.

Как будто сообщил, что меняет подрядчика.

За окном во дворе хлопнула дверца машины. Где-то наверху соседский ребёнок пробежал по лестнице, топая так громко, будто мир продолжал жить с неприличным равнодушием. На столе вибрировал его забытый телефон. Кира, наверное, ждала отчёт.

— К Кире? — спросила я.

Он чуть сдвинул брови.

— Ты читала мои сообщения?

— Одно само пришло на экран. Но рада, что имя я угадала без дополнительных подсказок.

— Марин...

Вот оно.

Марин.

Так он говорил, когда считал, что я сейчас начну плакать, а он проявит благородство и терпение.

— Давно? — спросила я.

— Это неважно.

— Для кого?

Он устало провёл ладонью по лицу.

— Для нас. Всё давно шло к этому.

Я посмотрела на него и вдруг ощутила странное спокойствие. Не ледяное, не сильное, не красивое. Просто внутри что-то перестало бегать по кругу и встало напротив факта: мой муж не просто уходит. Он уже успел переписать нашу историю так, чтобы его поступок выглядел неизбежностью.

Всё давно шло к этому.

Не он шёл.

Всё.

Само.

— Удивительно, — сказала я. — Я двадцать пять лет думала, что мы тоже куда-то шли. Оказывается, это был просто длинный маршрут к Кире.

— Не надо язвить.

— Почему? Это последняя семейная привилегия или ты её тоже уже кому-то пообещал?

Он сжал губы.

— Ты взрослая женщина, Марин, не устраивай сцен.

Вот и всё.

Фраза, которой меня не просто оставили. Меня поставили на место.

Взрослая женщина.

То есть удобная. Сдержанная. Не громкая. Не задающая лишних вопросов. Не пачкающая его новый роман своими эмоциями. Взрослая женщина должна понять, подписать, отпу-

стить, улыбнуться детям и сохранить семейную картинку, чтобы Виктор Орлов вышел из брака не предателем, а человеком, который честно решил не мучить всех.

Я посмотрела на тюльпаны в вазе. Белые, крепкие, с закрытыми бутонами. Я купила их утром, потому что Виктор когда-то сказал, что белые цветы на столе делают дом дорогим.

Не тёплым.

Дорогим.

— Сцен? — переспросила я. — Ты пришёл сказать жене, что уходишь к другой, и первое, о чём беспокоишься, — чтобы я не испортила оформление?

— Я беспокоюсь о детях.

— Правда?

— Да. Лера и Егор не должны видеть грязь между нами.

— Грязь между нами появилась не оттого, что я могу повысить голос.

Он отвернулся.

Это было почти признание, но Виктор всю жизнь умел разворачиваться к неудобной правде спиной и называть это выдержкой.

— Я хочу решить всё спокойно, — сказал он.

— Конечно.

— Без скандалов, без взаимных обвинений, без унижений.

— Чьих?

— Марина.

— Я просто уточняю. Унижение уже произошло, Виктор. Оно не начнётся с моего голоса. Оно началось с твоего сообщения от Киры.

Он наконец сел напротив. Положил руки на стол, увидел приборы, четыре тарелки, салфетки. Пальцами коснулся края синей скатерти и сразу убрал руку, будто ткань могла напомнить ему, сколько вечеров я накрывала этот стол, пока он строил будущее для семьи.

— Я подготовил документы, — сказал он.

Я медленно перевела взгляд на него.

— Уже?

— Не на развод. Пока по имуществу. Чтобы потом не тянуть. Дом остаётся детям, юридически мы оформим доли. Тебе я оставляю квартиру на Ленинском и хорошую сумму. Машину можешь оставить себе. По компании ты не имеешь отношения к активам, ты сама это знаешь. Я всё сделал честно.

Он говорил спокойно. Даже мягко.

И от этого становилось хуже.

Он действительно считал, что продумал красивый выход. Дом — детям. Квартиру — мне. Деньги — мне. Компанию — себе. Молодую женщину — себе. Достоинство — желательно тоже себе, если я не устрою сцен.

Как удобно.

Как чисто.

Как по-орловски.

— Ты всё сделал честно? — спросила я.

— В финансовом смысле — да.

— А в человеческом не считал?

— Не начинай.

— Я ещё даже не начинала.

Он посмотрел на часы.

Я увидела это движение, и во мне что-то щёлкнуло. Не сломалось. Наоборот, включилось.

Он смотрел на часы.

Возможно, Кира ждала. Возможно, ресторан, куда он поедет после разговора с женой. Возможно, номер в отеле. Возможно, просто следующая встреча в календаре, где сообщить Марине стояло между созвон с юристом и ужин.

Я двадцать пять лет была женщиной, которая подстраивалась под его время.

Сегодня я впервые захотела занять его целиком.

Хотя бы на один разговор.

— У тебя встреча? — спросила я.

— Не имеет значения.

— Конечно имеет. Я хочу понимать, насколько плотный график у моего списания.

— Перестань.

— Нет.

Он поднял на меня глаза.

Я сама удивилась этому нет. Оно вышло не громким, не истеричным, не дрожащим. Просто встало между нами, как стул, который больше нельзя отодвинуть.

— Что нет?

— Нет, я не перестану. Нет, я не буду вести себя так, чтобы тебе было удобно уйти. Нет, я не подпишу документы сегодня, завтра и вообще не подпишу ничего, что принесёт мне мужчина, который уже всё решил за двоих и назвал это честностью.

Его лицо стало жёстче.

Вот теперь передо мной сидел не муж, а Виктор Орлов, человек, привыкший, что люди спорят с ним до определённой границы. Потом он смотрит вот так — холодно, терпеливо, с намёком на усталость от чужой неразумности, — и большинство отступает.

Я тоже отступала.

Раньше.

— Марина, ты сейчас говоришь на эмоциях.

— Да. Представляешь, у живых людей они бывают.

— И что дальше? Ты будешь бороться за брак, которого уже нет?

Неплохой удар.

Точный.

Когда мужчина хочет уйти, он часто делает вид, что женщина, которая задаёт вопросы, цепляется за него. Очень удобно: не отвечать за предательство, а защищаться от её навязчивости.

— Нет, — сказала я. — За этот брак я бороться не буду.

Он едва заметно расслабился.

Рано.

— Я буду бороться за себя. За то, чтобы ты не вышел из нашей жизни благородным человеком, который всё честно оставил. За то, чтобы дети знали правду в той части, которую им нужно знать. Без грязи, как ты выразился. Но и без твоей красивой версии, где папа устал, мама взрослая, а Кира случайно оказалась новым счастьем.

— Ты хочешь настроить детей против меня?

— Я хочу перестать настраивать всех за тебя.

Он откинулся на спинку стула.

— Ты изменилась.

Я чуть не рассмеялась.

— Нет, Виктор. Просто ты давно не слушал.

В прихожей повернулся ключ.

Я закрыла глаза на секунду, собирая лицо.

Лера.

Конечно.

Моя дочь вошла быстро, шумно, как всегда, бросила сумку на банкетку и крикнула:
— Мам, я только на час, потом у меня...

Она остановилась в дверях столовой.

Двадцать два года. Моя красивая, резкая, эмоциональная девочка, которая уже считала себя взрослой, но всё ещё умела смотреть на семейный стол так, будто он обязан стоять нетронутым всю её жизнь. Она увидела нас. Увидела накрытый ужин. Увидела лицо отца. Моё, видимо, тоже.

— Что случилось?

Виктор поднялся первым.

— Лера, мы с мамой разговариваем.

— Я вижу. Что случилось?

Я хотела сказать мягче. Подобрать слова. Спрятать острые углы. Сделать то, что делала всегда: встать между детьми и взрослой правдой, принять удар на себя, сгладить, перевести, объяснить.

Но Виктор уже открыл рот.

И я поняла: если сейчас промолчу, он начнёт писать нашу историю с первой строки.

— Папа уходит из семьи, — сказала я.

Лера побледнела.

Виктор резко повернулся ко мне:

— Марина!

— Что? Слишком прямо? Надо было сказать папа пересматривает семейную стратегию?

— Ты не имела права так.

— Я имела право первой сказать правду в собственном доме.

Лера смотрела на отца.

— Это правда?

Виктор подошёл к ней, но она отступила на полшага. Маленькое движение. Почти незаметное. Но я увидела, как оно задело его сильнее моего нет.

— Лер, мы с мамой всё обсудим спокойно, — сказал он. — Это взрослые вопросы.

— А я кто? Декор?

— Не говори глупости.

— Тогда ответь.

Он помолчал.

— Да. Мы с мамой расходимся.

— Из-за кого-то?

Виктор не ответил сразу.

Этого хватило.

Лера посмотрела на меня.

В её глазах было столько растерянности, что мне захотелось встать, обнять её, сказать, что всё будет хорошо. Но хорошо сегодня было бы ложью. А я слишком устала от красивой лжи.

— Её зовут Кира, — сказала я.

— Марина, прекрати.

— Нет.

Лера медленно села на край стула.

— Кира? Та, которая была на корпоративе? В красном платье?

Я посмотрела на Виктора.

Интересно.

Я Киры на корпоративе не помнила. Или помнила не так. Молодая женщина рядом с группой сотрудников, громкий смех, взгляд, который слишком долго задержался на моём

муже. Тогда я решила, что мне показалось. В сорок пять женщина часто списывает свои подозрения на усталость, чтобы не выглядеть смешной.

Оказалось, смешной была не подозрительность.

Смешной была вера в то, что ты слишком взрослая для банального предательства.

— Лера, — сказал Виктор, — не сейчас.

— А когда? Когда ты переедешь? Когда она выложит фото из нашей гостиной?

Он поморщился.

— Не драматизируй.

Лера рассмеялась. Коротко и зло.

— Вы сговорились? У вас сегодня день этой фразы?

Я впервые за вечер почувствовала к дочери не только жалость, но и благодарность. Она злилась. Возможно, потом разозлится и на меня. Но сейчас она слышала.

Не всё.

Достаточно.

Виктор взял телефон со стола, наконец вспомнив, где оставил его утром. На экране снова мелькнуло имя Киры. Он увидел. Я увидела. Лера тоже.

Прекрасная семейная сцена.

Синяя скатерть, белые тюльпаны и молодая женщина в телефоне моего мужа, которая не хотела снова ждать.

— Я поеду, — сказал Виктор.

Я подняла брови.

— Конечно. Тебя ждут.

— Мы продолжим завтра.

— Нет.

Он остановился.

— Что значит нет?

— Завтра я встречаюсь с юристом.

— Марина, не усложняй.

— Ты хотел спокойно. Спокойно — не значит по-твоему.

Лера посмотрела на меня резко, почти удивлённо. Кажется, дочь тоже давно не слышала, чтобы я говорила с её отцом таким голосом.

Виктор подошёл ближе.

— Ты правда думаешь, что справишься?

Вот теперь он сказал не как муж.

Как человек, который много лет был уверен, что моя сила существует только при нём. Что я умею держать дом, детей, ужины, гостей, его расписание, его репутацию, его усталость, его настроение — но не собственную жизнь отдельно.

— Не знаю, — ответила я честно.

Он чуть усмехнулся.

И зря.

— Но я точно справлюсь лучше, чем ты считаешь.

Усмешка исчезла.

— Марин, — сказал он уже тише, почти снисходительно. — Тебе сорок пять. Ты давно не работала в нормальном темпе. Твои связи — это мои связи. Твой круг — это наш круг. Тебе без меня всё равно некуда.

Вот она.

Настоящая причина его спокойствия.

Не любовь кончилась. Не Кира победила. Не документы готовы.

Он был уверен, что я никуда не денусь.

Можно уйти от женщины, если заранее убедил себя, что её жизнь всё равно остаётся вокруг твоей. Можно бросить жену и не бояться её злости, если считаешь, что у неё нет территории вне твоей фамилии. Можно предложить квартиру, сумму, машину и назвать это честностью, если не видишь в ней человека, способного выбрать не подарок, а путь.

Я встала.

Медленно.

Не для эффекта. Просто больше не могла сидеть.

— Повтори.

Он нахмурился.

— Что?

— Что мне некуда.

— Не цепляйся к словам.

— Нет, повтори. Мне важно запомнить точную формулировку дня, когда я наконец перестала быть удобной.

Лера смотрела на нас широко раскрытыми глазами.

Виктор молчал.

— Не повторишь? — спросила я. — Жаль. Хорошая была фраза. Очень честная. В ней весь наш брак последних лет.

— Ты пожалеешь об этом разговоре.

— Возможно. Но не сегодня.

И в эту секунду зазвонил мой телефон.

Не Виктора.

Мой.

На экране был незнакомый номер. Я бы не ответила в обычный вечер. Но обычный вечер закончился где-то между Кирой и словами тебе некуда.

Я приняла вызов, не отводя взгляда от Виктора.

— Марина Сергеевна Орлова? — прозвучал женский голос.

— Да.

— Добрый вечер. Меня зовут Анна Рогова, я руководитель кадрового направления компании Власов Консалт. Прошу прощения за поздний звонок. Нам передали ваши контакты как специалиста с серьёзным опытом в клиентских проектах и переговорах. Артём Власов хотел бы пригласить вас на собеседование.

Виктор изменился в лице сразу.

Не сильно.

Но я прожила с ним достаточно, чтобы увидеть: имя ударило точно.

Артём Власов.

Его конкурент.

Человек, о котором Виктор говорил коротко и неприятно. Умный, но слишком самоуверенный. Играет в долгую. С ним нельзя расслабляться. В переводе с языка Виктора это означало: опасен.

— Завтра в одиннадцать вам удобно? — спросила Анна.

Я смотрела на бывшего почти мужа.

На мужчину, который только что сказал, что мне некуда.

На стол, который я накрыла для семьи.

На дочь, которая сидела белая и взрослая на десять лет за один вечер.

На телефон Виктора с именем Кире.

И впервые за много лет почувствовала не страх, а странное, острое, почти дерзкое любопытство.

А что, если мне правда есть куда?

— Да, — сказала я в трубку. — Завтра в одиннадцать мне удобно.

Виктор сделал шаг ко мне.

— Марина, ты не понимаешь...

Я подняла руку, останавливая его.

Не резко.

Достаточно.

— Спасибо, Анна. Пришлите адрес сообщением.

Я отключила звонок.

В столовой стало очень тихо.

Лера первая перевела взгляд с меня на отца.

— Власов? Это тот самый Власов?

Виктор смотрел на меня так, будто я только что сделала не просто шаг, а открыла дверь, которую он всю жизнь считал запертой.

— Ты туда не пойдёшь, — сказал он.

Раньше эта фраза могла бы стать началом спора.

Сегодня она стала концом моей удобности.

Я взяла со стола синюю скатерть, ту самую, благородного цвета спокойной женщины, и одним движением стянула её вместе с идеально разложенными салфетками. Тарелки звякнули, тюльпаны качнулись, одна свеча упала на бок.

Ничего страшного.

Иногда красивый стол надо испортить, чтобы наконец увидеть, кто за ним сидит.

— Пойду, Виктор, — сказала я. — И завтра, и дальше. Просто тебе придётся привыкнуть к неприятной новости.

Он молчал.

Я улыбнулась.

Не для него.

Для себя той, которую только что попытались списать.

— Мне есть куда.

Глава 2.

Собеседование у врага бывшего

Утро после списания оказалось неприлично солнечным.

Я почему-то считала, что после фразы тебе без меня всё равно некуда небо должно хотя бы из вежливости затянуться серыми тучами, город — притихнуть, а чайник — закипать с трагическим подтекстом. Но Москва сияла так бодро, будто мой развод был не семейной катастрофой, а обычным пунктом в календаре: вторник, переменная облачность, женщина сорока пяти лет впервые за много лет идёт туда, куда ей запретили.

Я стояла перед открытым шкафом и выбирала, кем сегодня быть.

Женой, которую только что оставили?

Бывшей, которая хочет доказать мужу, что он ошибся?

Женщиной, которая идёт на собеседование к деловому врагу человека, с которым прожила двадцать пять лет?

Или просто Мариной Орловой, специалистом с опытом, мозгами, прямой спиной и одним очень злым платьем тёмно-синего цвета?

Платье победило.

Оно было строгим, без крика, с хорошей посадкой и рукавом до локтя. Не молодилося, не умоляло обратить внимание и не пыталось сказать: Посмотрите, я ещё ничего. Оно говорило другое: Я не исчезла. Просто вы плохо смотрели.

Я надела его, собрала волосы низко на затылке, выбрала небольшие серьги и туфли на удобном каблуке. В зеркале отразилась женщина, которая спала часа три, но всё равно выглядела лучше, чем ожидала. Не счастливая. Не уверенная до конца. Но собранная.

Собранность в тот день была моей единственной косметикой, которая точно держалась.

На кухне за столом сидел Егор.

Я не слышала, как он пришёл ночью. Его куртка висела в прихожей, кроссовки стояли у двери, а сам он смотрел в чашку с кофе так сосредоточенно, будто там можно было прочесть семейный прогноз.

— Ты пьёшь кофе? — спросила я.

— Нет. Просто держу. Взрослые так делают, когда не знают, что сказать.

Я остановилась у дверного проёма.

Егор был высокий, худой, с тем самым лицом семнадцатилетнего человека, который из всех сил изображает, что ему всё равно, потому что иначе придётся признать: не всё равно настолько, что страшно разозлиться по-настоящему.

— Кто тебе рассказал?

— Лера ночью написала. Потом папа. Потом ты не написала.

Вот так и узнаёшь о собственных ошибках: подросток выкладывает их на стол без салфеток и пафоса.

— Я собиралась поговорить с тобой утром.

— Утро наступило.

— Да.

Он наконец поднял глаза.

— Он правда уходит к той женщине с корпоратива?

Я прошла к столу и села напротив. На месте вчерашней синей скатерти теперь лежала голая светлая столешница. Я убрала всё ночью: тарелки, тюльпаны, салфетки, свечу, которая упала на бок. Не потому, что хотела стереть вечер, а потому что не собиралась начинать утро с музейной экспозиции Мой муж и его уверенность.

— Да, — сказала я. — Насколько я понимаю, к ней.

Егор постучал пальцем по чашке.

— И ты идёшь к Власову?

— На собеседование.

— Папа запретил?

— Счёл нужным сообщить, что я туда не пойду.

— Значит, запретил.

— В его системе координат — да.

Егор неожиданно усмехнулся.

— Сходи.

Я посмотрела на сына внимательнее.

— Ты не обязан выбирать сторону.

— Я не сторону выбираю. Я выбираю, чтобы ты не сидела дома и не делала вид, что всё нормально.

— Я не собиралась.

— Раньше собиралась бы.

Не жестоко.

Прямо.

И именно поэтому попало точно.

Я хотела возразить. Сказать, что дети не видели всей сложности взрослой жизни. Что брак держится не только на любви, но и на привычке, общей истории, обязательствах, усталости, тысяче маленьких причин не рушить дом из-за трещины в стене.

Но Егор видел больше, чем я хотела признавать.

Дети вообще часто видят не то, что им показывают, а то, что взрослые пытаются спрятать слишком старательно.

— Возможно, — сказала я.

Он кивнул, будто этого было достаточно.

— Лера злится.

— На отца?

— На всех. У неё широкий охват.

Я почти улыбнулась.

— Это семейное.

— Она сказала, что ты поступаешь назло.

— А ты?

— Я думаю, что назло — это когда человек делает глупость, чтобы другому стало хуже.

А ты идёшь на работу. Если это глупость, то довольно полезная.

Я встала и подошла к чайнику.

— Ты слишком разумный для семнадцати.

— Не переживай. Я ещё могу испортить статистику.

— Не надо специально.

Телефон на столе завибрировал.

Виктор.

Я увидела имя и на секунду почувствовала, как внутри снова поднялась вчерашняя тяжесть. Не страх. Уже нет. Скорее привычка тела к тому, что сейчас надо отвечать правильно, мягко, без лишнего, чтобы не разжечь.

Но вчера я стянула со стола скатерть.

Сегодня могла не брать трубку.

Сообщение появилось на экране:

Марина, не делай резких шагов. Власов использует тебя против меня. Давай обсудим всё спокойно.

Егор прочитал, потому что сидел рядом и потому что в нашей семье личные границы за последние сутки и так напоминали разбитую вазу.

— Папа быстро перешёл от тебе некуда к не делай резких шагов, — сказал он. — Прогресс.

Я не удержалась и рассмеялась.

Смех вышел коротким, немного усталым, но настоящим. Егор тоже чуть улыбнулся, и на секунду кухня снова стала не местом разрушенного ужина, а нашей кухней, где можно было сказать колкость и не развалиться.

Я написала Виктору:

Мне есть что обсудить, но не сейчас. Сегодня я занята.

Отправила.

Потом заблокировала экран и встала.

— Мне пора.

Егор посмотрел на моё платье.

— Ты выглядишь... нормально.

— Восторг материнского утра.

— Я хотел сказать — круто. Но это было бы слишком эмоционально.

— Береги себя. Эмоции опасны для репутации подростка.

— Удачи, мам.

Вот это прозвучало тихо.

И стоило дороже всех вчерашних документов Виктора, которые он даже не успел достать из портфеля.

Компания Власов Консалт находилась в бизнес-центре на набережной. Стекло, металл, светлые холлы, турникеты, люди с ноутбуками, кофе в бумажных стаканах и выражением лица я очень важен, но уже опаздываю. Всё выглядело современно, дорого, но без попытки ударить посетителя по голове роскошью. В отличие от Виктора, который любил переговорные с тяжёлыми креслами и картинами, намекающими, что тут люди решают судьбы, Власов явно предпочитал пространство, где решают задачи.

Я назвала своё имя на ресепшене.

Девушка улыбнулась профессионально и выдала пропуск.

— Марина Сергеевна, вас ждут. Двадцать третий этаж. Анна Рогова встретит у лифта.

Меня ждут.

Странная фраза.

Последние годы меня чаще ждали как функцию: чтобы ужин был готов, гости рассажены, дети предупреждены, подарок куплен, слова подобраны. Здесь меня ждали как человека, который может быть полезен не потому, что знает, как Виктор пьёт кофе и с кем не стоит сажать его рядом за столом.

В лифте я посмотрела на своё отражение в зеркальной стенке.

— Не выдумывай лишнего, Марина, — сказала я почти беззвучно. — Это собеседование. Не новая жизнь с фанфарами.

Женщина в отражении промолчала.

Мудрая.

На двадцать третьем этаже меня встретила Анна Рогова. Лет тридцать пять, короткая стрижка, светлый жакет, взгляд человека, который умеет быть вежливым и при этом видит, как кандидат держит сумку.

— Марина Сергеевна? Доброе утро. Спасибо, что приехали.

— Доброе. Спасибо за приглашение.

— Артём Игоревич задерживается на десять минут. Я проведу вас в переговорную.

Именно так, наверное, в нормальной деловой реальности люди сообщали о задержке: без извинений за существование, без демонстрации власти. Просто факт.

Переговорная была небольшая, с видом на реку и город, который за стеклом казался собранным из света, линий и чужих планов. На столе стояла вода, лежал блокнот с логотипом компании и ручка. Никаких лишних украшений. Никаких намёков на то, что мы тут самые главные.

Я села, положила перед собой папку с резюме, хотя прекрасно понимала: если Власов захотел меня видеть, он уже знал больше, чем было написано на двух листах. Вопрос был только в том, зачем.

Из жалости?

Вряд ли. Деловые враги бывших мужей редко тратят время на благотворительность для брошенных жён.

Чтобы ударить по Виктору?

Вполне возможно.

Моё имя рядом с компанией Власова могло стать неприятной новостью для Орлова. Особенно если в их мире давно шла борьба за клиентов, контракты, позиции и право первым заходить в кабинеты людей, которые решают большие суммы.

Чтобы проверить, правда ли я что-то умею?

Вот этот вариант был самым неприятным. Потому что на него нельзя было ответить чужой виной. Только собой.

Дверь открылась без суеты.

— Марина Сергеевна.

Артём Власов оказался не таким, каким я его представляла по словам Виктора.

Я ожидала более громкого человека. Может быть, с резкой улыбкой победителя, слишком дорогими часами, демонстративной уверенностью. Мужчину, который войдёт и сразу займёт всё пространство просто потому, что привык конкурировать с такими, как мой муж.

Власов вошёл спокойно.

Высокий, темноволосый, в тёмно-сером костюме без лишнего блеска. Лицо не мягкое, но внимательное. Глаза серые, прямые, без показной доброжелательности. Он не улыбнулся широко, не стал изображать старого знакомого, не произнёс ни одной фразы вроде слышан о вас. Просто подошёл, протянул руку.

— Артём Власов.

— Марина Орлова.

Рукопожатие было крепким, коротким. Не мужское испытание на силу, не покровительственное касание, а деловое признание: мы оба здесь присутствуем.

Он сел напротив, открыл тонкую папку.

— Сразу обозначу, Марина Сергеевна. Я знаю, кто ваш муж.

— Уже бывший, насколько позволяют обстоятельства и юридические сроки.

Он поднял глаза.

— Принято. Я знаю, кто ваш бывший муж. И знаю, что он не обрадуется нашему разговору.

— Он уже начал тренироваться.

Власов чуть заметно усмехнулся.

— Но я пригласил вас не для того, чтобы досадить Виктору Орлову.

— Жаль. Это был бы простой мотив.

— Простые мотивы часто дорого обходятся.

— Согласна.

Он пролистнул папку.

— Ваше резюме странное.

Я слегка подняла брови.

— Начало многообещающее.

— В нём мало официальных должностей за последние годы, но слишком много косвенных следов работы, которую обычно выполняет отдельная команда.

— Вы сейчас о чём?

— О закрытых клиентских ужинах, где после неформального общения подписывались контракты. О конфликтных переговорах, после которых партнёры почему-то оставались в орбите Орлова. О мероприятиях, где вы рассаживали людей так, что два конкурирующих акционера впервые разговаривали без взаимного презрения. О благотворительных вечерах, где вы собирали правильных гостей без громких списков. О том, что несколько крупных клиентов Виктора Орлова до сих пор поздравляют с праздниками не его помощника, а вас.

Я смотрела на него и чувствовала, как привычная внутренняя защита сбилась с ритма.

Обо мне говорили как о факте.

Не как о жене.

Не как о Марине, которая всё устроит.

Не как о женщине, способной красиво стоять рядом и вовремя улыбаться.

Как о человеке, чью невидимую работу можно заметить, если смотреть не только на фамилию мужа.

— Вы хорошо подготовились, — сказала я.

— Я редко зову людей без подготовки.

— Тогда вы знаете, что у меня большой перерыв в официальной работе.

— Знаю.

— И что последние годы я была в основном в семейном контуре Виктора.

— Это формулировка Виктора?

— Это моя попытка звучать деликатно.

— Не обязательно.

— Что именно?

— Звучать деликатно там, где это мешает точности.

Я выдержала паузу.

Сильный мужчина напротив не давил, но и не подкладывал подушки. Он не собирался спасти меня от неловкости. И это неожиданно понравилось. Спасение часто унижает сильнее, чем прямой вопрос.

— Хорошо, — сказала я. — Последние годы я работала без должности, зарплаты и подписи внизу документа. Зато с постоянной ответственностью за результат, который все считали естественным, пока он был.

Власов кивнул.

— Вот это уже ближе к правде.

— Но для компании этого может быть мало.

— Может.

Он отложил папку.

— Поэтому я хочу задать вам несколько вопросов. Не светских.

— Я надеюсь, вы не будете спрашивать, где я вижу себя через пять лет. Сегодня я с трудом понимаю, где увижу себя вечером.

На этот раз он улыбнулся чуть заметнее.

— Начнём с другого. У вас конфликтный клиент. Он пришёл через личную рекомендацию, считает себя важнее процесса, игнорирует договорённости, давит на команду и грозит уйти к конкурентам. Ваша задача — удержать его, но не позволить разрушить проект. Что делаете?

— Сначала выясняю, чем он на самом деле недоволен.

— Он говорит, что всем.

— Тогда он недоволен не всем. Он теряет контроль.

— Допустим.

— Я отделяю публичную претензию от реальной. Публично он будет говорить о сроках, цене, уровне команды, но реальная причина может быть в том, что его не включили в промежуточное решение, не дали почувствовать значимость или поставили перед фактом. Я бы вернула ему ощущение участия, но не власть над процессом.

— Как?

— Дала бы выбор из двух вариантов, оба приемлемые для нас. Назвала бы точку, где его мнение действительно влияет на результат. И отдельно зафиксировала бы границы: команда не принимает правки в обход руководителя проекта, сроки меняются только вместе с бюджетом или объёмом. Люди любят выбирать. Даже властные. Особенно властные.

Власов смотрел внимательно.

— Вы сейчас описали клиента или мужа?

Я усмехнулась.

— Иногда методика универсальна.

— Хорошо. Второе. В команде сильный специалист, но он открыто не признаёт вашего авторитета, потому что считает вас человеком со стороны. Ваши действия?

— Не буду доказывать авторитет словами.

— А чем?

— Полезностью. Быстро найду участок, где его компетенция важна, и дам ему возможность проявиться перед командой, но в рамках моей структуры. Если он сильный, он ценит не сюсюканье, а ясные правила. Если просто борется за власть, проявится довольно быстро.

— И тогда?

— Тогда разговор один на один. Без зрителей. Люди, которые спорят на публике, часто защищают не позицию, а лицо. Но если после разговора он продолжит разрушать работу, я уберу его из ключевого контура. Уважение не равно терпению ко всему.

Власов сделал пометку.

Я поймала себя на том, что перестала думать о Викторе.

Совсем.

На несколько минут в комнате не было бывшего мужа, Киры, разбитого ужина и фразы тебе некуда. Был вопрос. Была задача. Был мой ответ. И мозг, который, оказывается, не расслабался за годы семейной дипломатии, а просто слишком долго работал без названия должности.

— Третье, — сказал Власов. — Клиент просит вас организовать встречу так, чтобы один из партнёров оказался в невыгодном положении. Формально это не нарушает договор, но вы понимаете, что вас используют. Что делаете?

— Смотря зачем.

— Ответ не должен начинаться с смотря.

— В реальной работе все важные ответы начинаются со смотря. Иначе это не решение, а лозунг.

Он посмотрел на меня поверх папки.

Я впервые увидела в его взгляде не просто интерес, а удовольствие. Не мужское, не личное. Профессиональное. Как будто он наконец получил не отполированного кандидата, а человека, с которым можно говорить на равных.

— Продолжайте, — сказал он.

— Я выясняю, что именно клиент хочет получить. Если ему нужна справедливая сильная позиция на переговорах — предлагаю легальные и этичные способы усилить её: подготовка аргументов, порядок выступлений, документы, расчёты, предварительная встреча. Если

же цель — унижить партнёра или подставить его перед другими, я отказываюсь участвовать в такой конструкции.

— Даже если клиент крупный?

— Особенно если крупный. Маленький скандал с крупным клиентом становится большим быстрее.

— Вы часто отказывали Орлову?

Вопрос был задан спокойно.

Но воздух в переговорной изменился.

Я могла обидеться. Могла сказать, что не обсуждаю бывшего мужа. Могла уйти в холодную вежливость и проиграть не ему, а себе.

Вместо этого я честно ответила:

— Меньше, чем должна была.

Власов не стал добивать.

Просто кивнул.

— Почему хотите работать?

Я почти рассмеялась.

— После всех ваших вопросов это самый сложный.

— Поэтому я оставил его на потом.

Я посмотрела в окно. На реку, машины, людей, которые шли по своим делам, не зная, что где-то на двадцать третьем этаже женщина пытается сформулировать, зачем ей собственная жизнь.

— Потому что я устала быть полезной без имени, — сказала я. — Устала от того, что мой опыт считался женской чертой, а не компетенцией. Марина умеет договориться, Марина сгладит, Марина посадит рядом нужных людей, Марина подскажет, когда лучше позвонить. Всё это звучало так, будто я родилась с врождённой способностью обслуживать чужой успех. Я хочу работать там, где результат будет считаться результатом, а не естественным продолжением моего характера.

Власов не отводил взгляда.

— И ещё?

Умный.

Слишком.

— И ещё, — сказала я медленнее, — вчера мне сказали, что мне некуда. Я не хочу, чтобы это стало правдой.

Он закрыл папку.

Я сразу почувствовала, как снова вернулась уязвимость. Пока мы говорили о клиентах, командах и переговорах, я стояла на своей территории. А эта фраза вынесла на стол то, что я предпочла бы оставить за дверью.

Власов поднялся.

— Пойдёмте.

— Куда?

— Покажу отдел.

— Это хороший знак или вы решили вывести меня из переговорной, пока я не рассказала вам всю историю брака?

— Хороший знак. Но историю брака лучше не рассказывайте в первый рабочий день.

Я тоже встала.

— Значит, рабочий день всё-таки возможен?

— Я ещё думаю.

— Вслух?

— Не всегда.

Он провёл меня по офису.

Открытое пространство без суеты, стеклянные кабинеты, несколько переговорных, тихая зона, где люди работали с документами и не изображали вечную занятость. На стене висела большая доска с проектами: названия клиентов, этапы, ответственные, сроки. Я читала на ходу и понимала, что мир Власова построен не на демонстрации власти, а на контроле процесса.

Это было опасно похоже на то, что я умела.

И пугающе далеко от того, к чему привыкла.

Мы остановились у кабинета с табличкой Клиентское направление.

— Руководитель этого блока ушла в собственный проект месяц назад, — сказал Власов. — Команда сильная, но сейчас разрозненная. Им нужен человек, который умеет держать клиентов, не ломая сотрудников, и держать сотрудников, не теряя клиентов.

— Красиво звучит.

— На практике сложнее.

— Всё красивое на практике сложнее.

Он посмотрел на меня.

— Я предлагаю вам должность руководителя клиентского направления. Испытательный срок три месяца. Жёсткий график, высокая ответственность, прямой контакт с ключевыми клиентами. Зарплата официальная, условия Анна пришлёт. Решение нужно не сейчас. Подумайте до завтра.

Я смотрела на табличку.

Руководитель клиентского направления.

Слова были обычные. Даже сухие.

Но для меня они звучали почти неприлично громко.

Не жена Виктора Орлова.

Не мама Леры и Егора.

Не Марина, которая всё устроит.

Должность.

Роль, которую не нужно выпрашивать за годы незаметной работы.

— Почему я? — спросила я. — Только честно. Не потому, что вы оценили мою раскладку акционеров.

— Потому что вы двадцать пять лет работали в сложнейшей клиентской среде без права на ошибку и без официальной власти. Это редкое сочетание.

— И потому что Виктору это не понравится?

— Это побочный эффект.

— Приятный?

— Не буду лицемерить. Не неприятный.

Вот за это я неожиданно его зауважала.

— Но если вы провалитесь, — продолжил он, — то факт вашего брака с Орловым вас не защитит. И мой интерес к реакции Орлова тоже.

— Жёстко.

— Честно.

— А если справлюсь?

— Тогда всем нам будет полезно, что Виктор Орлов вас недооценивал.

Я отвернулась к стеклянной стене кабинета, чтобы он не видел моего лица сразу.

Внутри поднялось что-то странное. Не радость. Радоваться было рано. Не победа. Победа — это когда ты уже выдержала последствия. Скорее возможность. Маленькая, опасная, взрослая возможность, которую мне положили перед собой не как утешительный подарок, а как вызов.

Я умела отвечать на вызовы.

Просто давно делала это в чужую пользу.

— Я подумаю до завтра, — сказала я.

— Хорошо.

— Но один вопрос сейчас.

— Слушаю.

— Если я соглашусь, вы не будете использовать меня как способ публично ударить по Виктору.

Он ответил не сразу.

И это было правильно. Слишком быстрый ответ выглядел бы красивой ложью.

— Не буду, — сказал Власов. — Но ваша работа у меня сама по себе станет для него ударом. Этого я отменить не смогу.

— Я понимаю разницу.

— Тогда мы договорились.

Мы вернулись к переговорной, где меня уже ждала Анна с пакетом документов. Я взяла их, поблагодарила, услышала вежливое будем рады вашему решению и вышла к лифту с ощущением, что за последние сутки прожила не день, а отдельную эпоху.

Внизу телефон ожил сразу.

Три пропущенных от Виктора.

Два сообщения от Леры.

Одно от Егора.

Я открыла сначала сына.

Ну?

Я написала:

Жива. Не выгнали. Думаю.

Ответ пришёл почти мгновенно:

Значит, нормально.

От Леры было сложнее.

Мам, папа звонил. Он в бешенстве. Сказал, что ты делаешь ошибку.

Следом:

Ты правда хочешь работать у Власова? Это же как война.

Я стояла у окна в холле бизнес-центра и смотрела на людей, которые проходили через турникеты с пропусками на шнурках. У каждого был свой маршрут. У меня, возможно, впервые за долгое время — тоже.

Я ответила дочери:

Я не хочу войны. Я хочу работу и жизнь, в которой решения принимаю я. Поговорим вечером.

Потом открыла сообщения Виктора.

Не подписывай ничего.

Ты не понимаешь, с кем связываешься.

Власов не берёт людей просто так.

Я посмотрела на последнюю фразу и тихо сказала экрану:

— В отличие от тебя, он хотя бы это признаёт.

Последнее сообщение пришло, пока я уже выходила на улицу.

От Анны Роговой.

Марина Сергеевна, направляю предварительные условия и краткое описание первого проекта, который Артём Игоревич хотел бы передать вам в случае вашего согласия. Проект приоритетный, клиент стратегический.

Я открыла вложение прямо у входа в бизнес-центр.

Сначала увидела цифры.

Сроки.

Задачи.

Потом название компании.

И остановилась посреди ступеней так, что мужчина позади едва не врезался в меня и недовольно обошёл.

Компания ГрадИнвест Девелопмент.

Я знала это название.

Слишком хорошо.

Последние полгода Виктор жил этой сделкой. Говорил о ней за завтраком, по вечерам, в машине, раздражённо закрывал ноутбук, когда я входила, уверял партнёров, что дожмёт ГрадИнвест до конца квартала. Он мечтал заполучить их так, как мечтают не о клиенте, а о доказательстве собственного веса.

А теперь этот проект лежал у меня в телефоне.

Не у него.

У меня.

Сверху всплыло новое сообщение от Власова:

Чтобы вы понимали масштаб. Это не жест в сторону Орлова. Это работа. Если согласитесь, начнём с неё.

Я перечитала.

Потом ещё раз.

И вдруг очень ясно поняла: вчера Виктор сказал, что мне некуда, потому что видел передо мной только закрытую дверь.

Он просто не знал, что за этой дверью уже готовили переговорную.

Глава 3. БЫВШИЙ, я больше не твоя тень

Виктор мечтал о ГрадИнвест Девелопмент полгода.

Я знала это не из его документов и не из деловых разговоров, которые он обычно обрывал, стоило мне войти в кабинет. Я знала это по тому, как он произносил название компании за завтраком: чуть тише, чем остальные слова, с тем особенным деловым голодом, который мужчины вроде Виктора называли стратегическим интересом, а я за годы брака научилась переводить проще — хочу и считаю, что имею право получить.

ГрадИнвест был для него не просто клиентом.

Он был доказательством.

Что Виктор Орлов по-прежнему лучший. Что его связи сильнее чужих. Что его имя открывает двери раньше, чем конкуренты успевают нажать на звонок. Что Артём Власов, которого он называл слишком самоуверенным, снова останется вторым.

И теперь описание первого проекта лежало у меня в телефоне.

У меня.

Женщины, которой вчера сказали, что ей некуда.

Я стояла на ступенях бизнес-центра, пока люди обходили меня с раздражённой деловой скоростью, и понимала: если соглашусь, это будет не просто новая работа. Это будет удар по привычной карте мира Виктора. Не потому, что я хочу ударить. А потому, что сама мысль о моём отдельном движении для него уже была оскорблением.

Телефон снова завибрировал.

Виктор.

Я посмотрела на экран, дождалась, пока вызов оборвётся, и только потом медленно выдохнула.

Иногда взрослая женщина не отвечает не потому, что боится разговора. Иногда она просто впервые выбирает, когда именно этот разговор начнётся.

Такси я вызвала не домой, а в маленькое кафе через квартал. Села у окна, заказала чай, открыла письмо от Анны Роговой и начала читать условия так внимательно, как когда-то читала школьные договоры детей, счета за ремонт и меню благотворительных вечеров, где не должно было быть блюд, которые не ест нужный партнёр Виктора.

Зарплата была достойной.

Испытательный срок — три месяца.

График — полный.

Задачи — сложные.

Ответственность — высокая.

Ничего похожего на утешительный подарок брошенной жене.

Это было предложение, которое могло меня либо поднять, либо очень громко уронить.

Я перечитала описание ГрадИнвеста. Там были переговоры с несколькими собственниками, напряжённая история предыдущих подрядчиков, сложная внутренняя коммуникация и риск ухода клиента к конкурентам. То есть всё то, что я годами делала за красивыми столами, только теперь без скатерти и под фамилией не мужа, а своей.

На экране всплыло новое сообщение от Виктора:

Ты где? Нам нужно поговорить до того, как ты наделаешь ошибок.

Я посмотрела на слово ошибок и вдруг почувствовала почти нежность к его предсказуемости.

Виктор всегда называл ошибкой всё, что не контролировал.

Я открыла переписку с Анной.

Пальцы на секунду задержались над клавиатурой.

Согласиться сразу — слишком резко.

Отказаться — слишком привычно.

Попросить время — разумно.

Но разумность в моей жизни слишком часто служила красивым покрывалом для страха.

Я написала:

Анна, добрый день. Благодарю за предложение. Я готова принять должность руководителя клиентского направления и выйти на работу в согласованные сроки. По проекту ГрадИнвест готова подключиться сразу после оформления.

Прочитала.

Не стерла.

Отправила.

И только после этого допила остывший чай.

Вечером дома было тихо так, как бывает перед грозой в помещениях с хорошим ремонтом.

Лера сидела в гостиной на диване, поджав под себя ноги. Перед ней стояла нетронутая чашка. Телефон лежал экраном вниз, что для моей дочери обычно означало конец света или попытку выглядеть взрослее, чем получается.

Егор стоял у окна. В наушниках, но без музыки — я это сразу поняла по тому, как он повернул голову, когда я вошла.

— Ты была у Власова? — спросила Лера без приветствия.

— Да.

— И?

Я сняла пальто, повесила его сама. Маленькая бытовая самостоятельность в доме, где за годы брака у каждого предмета было место, а у меня, как оказалось, не всегда.

— Он предложил мне работу.

Лера резко подняла глаза.

— И ты согласилась?

Егор у окна не повернулся, но плечи у него едва заметно напряглись.

— Да, — сказала я.

В комнате стало тише.

Лера встала.

— Мам, ты серьёзно? После вчерашнего? Ты не можешь просто взять и пойти работать к человеку, которого папа ненавидит.

— Я могу пойти работать к человеку, который предложил мне должность.

— Это не просто должность. Это же... это как будто ты специально.

— Специально что?

— Специально делаешь ему больно.

Вот оно.

Первый камень не от Виктора.

От дочери.

Я знала, что он прилетит. Просто знание не делает удар мягче.

— Лера, твой отец уходит к другой женщине. Я не устраивала этот выбор.

— Но ты можешь не превращать всё в войну.

— Я и не превращаю.

— Тогда почему именно Власов?

Я устало опустила в кресло.

Слишком знакомое кресло. Я сама выбирала его ткань, потому что Виктор хотел кожу, а мне казалось, что в гостиной должно быть что-то тёплое. Он тогда уступил. Я считала это компромиссом. Теперь подумала, что даже наши уступки были странно распределены: он уступал в креслах, я — в себе.

— Потому что он предложил мне работу, — повторила я. — Не букет. Не месть. Не роль бывшей жены Орлова. Работу.

— Ты думаешь, он правда взял тебя просто так?

— Нет. И он этого не скрывал.

Лера растерялась на секунду.

— То есть ты понимаешь, что он может тебя использовать?

— Понимаю. Поэтому поставила условие: я не буду инструментом публичного удара по твоему отцу.

Егор наконец снял один наушник.

— Папа сам справился с публичным ударом.

Лера повернулась к нему.

— Егор, не начинай.

— А что? Мама должна сидеть дома, чтобы папе было удобнее уходить красиво?

— Я не это сказала.

— Почти это.

— Ты вообще вчера молчал!

— Я слушал.

— И что наслушал?

Егор посмотрел на сестру без злости, но с той подростковой прямоотой, от которой взрослые часто хотят спрятаться за фразу ты ещё маленький.

— Что папа думал, будто мама никуда не денется. Теперь она денется. Я за.

Лера вспыхнула.

— Конечно, тебе легко! Ты всегда всё упрощаешь. А я не хочу, чтобы на нас все смотрели как на семью, где мама пошла работать к врагу папы.

Я медленно поднялась.

— Лера.

Она замолчала, но по лицу было видно: не потому, что услышала, а потому, что ждёт нового раунда.

— Я понимаю, что тебе страшно и стыдно. Понимаю, что ты злишься. Можешь злиться на меня. Можешь считать, что я слишком резко решила. Но я не буду строить свою жизнь так, чтобы знакомым было удобно на нас смотреть.

— А мне?

Вопрос вышел тише.

И от этого стал честнее.

— А тебе, — сказала я, — придётся пережить, что твои родители оказались не той картинкой, к которой ты привыкла. Мне жаль. Правда. Но я не могу сохранить тебе иллюзию ценой собственной жизни.

Лера отвернулась.

— Очень красиво звучит.

— Некрасиво живётся.

Она взяла телефон со стола.

— Папа приедет.

Я посмотрела на неё.

— Ты ему позвонила?

— Он сам звонил. Я сказала, что ты вернулась.

Егор тихо выругался себе под нос, но без слов, которые стоило бы отдельно обсуждать на семейном совете.

— Лера, — сказала я, — ты сейчас позвала его не ко мне. Ты позвала его против меня. Она дернулась, будто я дала ей пощёчину, хотя я даже не повысила голос.

— Я хочу, чтобы вы поговорили нормально!

— Нормально — это не когда один взрослый приезжает давить на другого при детях.

— Я не ребёнок.

— Тогда не ставь себя между нами.

Эта фраза её задела. Я увидела. И почти пожалела.

Почти.

Потому что часть материнства — не только закрывать детей от правды, но и не позволять им становиться оружием взрослых.

Виктор приехал через двадцать минут.

Не вошёл — ворвался, хотя технически открыл дверь своим ключом. Он всё ещё был прописан в этом доме каждой ручкой, каждой полкой, каждой привычкой. Но впервые его появление показалось мне не возвращением хозяина, а вторжением человека, который никак не поймёт: территория уже изменилась.

На нём был тёмный костюм, пальто распахнуто, лицо жёсткое. Вчерашнее спокойствие испарилось. Видимо, новость о том, что я не просто сходила к Власову, а приняла предложение, добралась до его гордости быстрее, чем до разума.

— Это правда? — спросил он с порога.

Я стояла в гостиной. Лера у дивана. Егор у окна. Сцена была почти театральной, если не считать, что зрители в ней тоже пострадали.

— Если ты о работе, да.

— Ты сошла с ума?

— Начало разговора многообещающее.

— Не играй словами, Марина. Ты понимаешь, что делаешь?

— Выхожу на работу.

— К Власову.

— Да.

— Моему прямому конкуренту.

— Он не твой родственник, Виктор. Мне не нужно согласовывать с тобой работодателя по семейному дереву.

— Это удар по семье.

Вот эта фраза прозвучала так уверенно, что я даже не сразу ответила.

Удар по семье.

Мужчина, уходящий к Кире, стоял в гостиной рядом с дочерью и сыном и называл мою работу ударом по семье.

Иногда реальность настолько нагла, что ей хочется предложить стул и попросить повторить на бис.

— Нет, — сказала я. — Удар по семье — это когда отец двоих детей начинает новую жизнь за спиной жены, а потом просит всех вести себя так, чтобы ему было удобно.

Виктор побледнел от злости.

— Не при детях.

— Ты сам приехал сюда при детях.

— Потому что ты втягиваешь их в скандал.

— Я? Виктор, ты правда слышишь себя?

Лера закрыла лицо руками.

— Господи, прекратите оба.

Егор молчал.

Но не ушёл.

Виктор сделал шаг ко мне.

— Ты откажешься.

— Нет.

— Марина.

— Нет, Виктор.

— Власов использует тебя, чтобы добраться до меня.

— Возможно, он видит во мне специалиста.

— Не будь наивной.

— Поздно. Я двадцать пять лет была достаточно наивной, чтобы считать чужой успех нашим.

Он резко усмехнулся.

— Вот как. Значит, теперь я всем обязан тебе?

— Нет. Себе можешь оставить всё, что действительно сделал сам. Я заберу только то, что было моим: опыт, связи с людьми, умение договариваться, понимание клиентов и право наконец получать за это не благодарность между делом, а должность.

— Ты не справишься.

Лера вздрогнула.

Егор поднял глаза.

А я вдруг успокоилась.

Вот оно снова. Не мне страшно, что ты уйдёшь. Не я злюсь, потому что теряю контроль. Не мне неприятно видеть тебя рядом с Власовым. А привычное: ты не справишься.

Сколько лет он говорил это не прямо, а мягко? Марин, это сложнее, чем кажется. Там жёсткие люди. Не трать нервы. Я сам. Ты лучше займись домом. У тебя другое. Ты же понимаешь, бизнес — это не благотворительный вечер.

Понимаю, Виктор.

Именно поэтому сейчас я иду туда, где люди называют вещи своими именами.

— Может быть, не справлюсь, — сказала я.

Он явно ожидал другого ответа.

— Тогда зачем?

— Потому что это будет моя неудача. Не твой запрет.

В комнате повисла пауза.

Лера опустила руки и посмотрела на меня так, будто впервые видела не мать, которая знает, где её шарф и почему нельзя ругаться с отцом, а женщину, умеющую проигрывать без разрешения.

Виктор сжал пальцы.

— Ты решила отомстить.

— Нет.

— Да. Ты хочешь унижить меня через Власова.

— Если твоя репутация рухнет от того, что бывшая жена получила работу, проблема не в моей работе.

— Бывшая? — резко спросил он.

— А как мне тебя называть? Муж, который живёт на две женщины? Так длинно.

Лера всхлипнула:

— Мам!

Я тут же пожалела о формулировке.

Не о смысле.

О том, что дочь слышала слишком острый край.

— Прости, — сказала я ей. — Это было лишнее.

Виктор воспользовался паузой мгновенно.

— Видишь? Вот к чему приводит твоя истерика.

— Не смей, — тихо сказал Егор.

Мы все повернулись к нему.

Он стоял у окна, худой, бледный, злой, с наушником в руке. Семнадцать лет — возраст, когда человек ещё не умеет защищать без резкости, но уже не может молчать, если видит подлость слишком близко.

— Что ты сказал? — спросил Виктор.

— Не смей говорить, что это мамина истерика.

— Егор, не вмешивайся.

— А вы все говорите при нас, но вмешиваться нельзя? Удобно.

Виктор выпрямился.

— Я твой отец.

— Я знаю.

Два слова.

Без крика.

И в них было столько разочарования, что Виктор на секунду потерял лицо.

Лера всхлипнула снова, но теперь уже не остановила брата.

— Ты можешь злиться на меня, — сказал Виктор после паузы. — Но ты не понимаешь всей ситуации.

— Отлично понимаю. Ты уходишь к Кире. Мама идёт работать. Почему-то проблема — мама.

— Егор, — сказала я мягко.

Он посмотрел на меня.

— Нет, мам. Ты вчера молчала сколько лет? Теперь хоть я не буду.

И отвернулся к окну.

Я почувствовала не победу.

Совсем нет.

Победа не выглядит как сын, вынужденный говорить такие вещи отцу. Победа не стоит в гостиной с белым лицом дочери и мужчиной, которого ты когда-то любила, а теперь узнаёшь по кускам власти, отваливающимся от него на твоих глазах.

Но правда иногда приходит не в красивом платье. Иногда она приходит подростком в худи и говорит: Почему-то проблема — мама.

Виктор медленно перевёл взгляд на меня.

— Ты довольна?

— Нет.

— Добилась своего?

— Нет.

— Тогда останови это.

— Что именно?

— Работу у Власова. Этот конфликт. Разрушение семьи.

Я посмотрела на него и впервые за весь вечер сказала самое важное не громко, а почти спокойно:

— Семьи, которую ты предал, больше нет.

Лера резко втянула воздух.

Виктор застыл.

— Есть дети, — продолжила я. — Есть наше прошлое. Есть ответственность. Есть дом, который нам придётся перестраивать так, чтобы Лера и Егор не чувствовали себя полем боя. Но той семьи, где я молчу ради твоего удобства, больше нет.

— Ты пожалеешь.

— Возможно. Я вообще человек, не памятник уверенности.

— Власов тебя выбросит, когда поймёт, что получил от тебя всё нужное.

— Это будет между мной и Власовым.

— Ты говоришь так, будто он уже стал для тебя кем-то.

Вот теперь я услышала в его голосе не только злость.

Ревность.

Нелепую, запоздалую, самодовольную ревность мужчины, который сам ушёл, но всё ещё считает, что дверь за бывшей женой должна открываться только в кладовку воспоминаний.

Я даже улыбнулась.

— Он стал моим работодателем.

— Пока.

— Виктор, ты правда хочешь обсуждать границы моей личной жизни через сутки после Киры?

Он отвёл взгляд.

Попала.

Лера тихо сказала:

— Я не могу это слушать.

Она схватила сумку и пошла к выходу.

— Лера, — позвала я.

— Не надо, мам.

— Куда ты?

— К себе. Мне нужно... просто уйти.

Виктор шагнул за ней:

— Я подвезу.

Она обернулась так резко, что он остановился.

— Нет. Не надо.

И вышла.

Дверь закрылась.

В гостиной остались трое: мужчина, который вчера был моим мужем; сын, который сегодня оказался взрослее, чем должен; и я, женщина в сорок пять лет, которая приняла работу и этим почему-то взорвала остатки семейной тишины сильнее, чем измена мужа.

Егор поднял с пола свой рюкзак.

— Я тоже пойду.

— Куда? — спросила я.

— Пройдусь.

— Егор...

Он подошёл ко мне и неожиданно неловко обнял одной рукой. Не по-детски. Не красиво. Так, как подростки обнимают, когда им важно, но они очень надеются, что никто не заметит.

— Я рядом, — сказал он тихо.

Потом отпустил и ушёл.

Виктор смотрел ему вслед.

— Ты настроила сына против меня.

Я устало закрыла глаза на секунду.

— Нет. Ты просто не заметил, что он давно всё видит.

— Марина...

— Уходи.

— Мы не договорили.

— Ты договорил вчера, когда сказал, что мне некуда. Сегодня я ответила.

Он сделал шаг ближе.

— Я не позволю Власову втянуть тебя в свою игру.

— Ты больше не позволяешь и не запрещаешь мне.

— Ты моя жена.

— Формально — пока да. Фактически ты сам вчера закрыл эту дверь.

— Не вынуждай меня действовать жёстко.

Я посмотрела на него внимательно.

— Это угроза?

Он сжал челюсть.

— Предупреждение.

— Тогда слушай моё. Если ты попытаешься давить на меня через детей, деньги, знакомых или репутацию, я перестану быть женщиной, которая двадцать пять лет спасала тебе лицо.

— Ты не такая.

— А ты откуда знаешь? Ты же сам сказал, что я давно не работала в нормальном темпе.

Виктор отвернулся первым.

Это было почти незаметно.

Но за двадцать пять лет брака я научилась видеть мгновения, когда мужчина проигрывает спор не потому, что согласился, а потому, что не нашёл удобного способа продолжать.

— Ты делаешь ошибку, — сказал он у двери.

— Может быть.

— Он не даст тебе того, что ты хочешь.

— А ты даже не знаешь, чего я хочу.

Виктор ушёл.

На этот раз дверь за ним закрылась без хлопка. Хлопок был бы честнее. Но Виктор Орлов даже в ярости любил выглядеть человеком, который контролирует силу звука.

Я осталась в гостиной одна.

В доме пахло вечерним чаем, пылью от открытой форточки и чем-то ещё — может быть, концом привычной жизни. Я подошла к столу, где лежала папка с условиями от Власова, провела пальцами по краю бумаги и вдруг поняла, что завтра мне правда нужно выйти на работу.

Не как символ.

Не как месть.

Не как бывшая жена, которой повезло попасть к сильному мужчине.

Как руководитель клиентского направления.

С испытательным сроком, проектом ГрадИнвест и бывшим мужем, который уже готовился доказать мне, что я не справлюсь.

Телефон завибрировал.

Я подумала, что это Лера, и взяла слишком быстро.

Но сообщение было не от дочери.

Кто-то из старых знакомых прислал ссылку без комментария.

Я открыла.

Соцсети Киры.

Фотография была сделана в ресторане: мягкий свет, бокалы, Виктор в профиль, Кира рядом с ним, молодая, красивая, уверенная в своей победе. Она держала его за руку так, чтобы это точно попало в кадр. Подпись была кор

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.